

рую любят и которая сама любить не склонна.

– Если бы я держалась такого мнения, как вы, Сафредан, – сказала Парламента, – я бы вообще не стала ухаживать за женщинами.

– Я всегда так пленялся ими, – отвечал Сафредан, – что на каждом шагу совершал непростибельные ошибки. Но даже там, где я не властен распоряжаться, я счастлив тем уже, что могу служить прекрасному полу. И как бы ни было велико коварство дам, оно не может умерить моей любви к ним. Но скажите лучше по совести, неужели вы и в самом деле способны оправдать такую суровость?

– Да, – ответила Уазиль, – ибо я считаю, что дама эта, не любя сама, не хотела, чтобы ее любили.

– Но если у нее действительно было такое намерение, – сказал Симонто, – то чего же ради она целые семь лет поддерживала в нем надежду?

– Я с вами вполне согласна, – сказала Лонгарина, – женщина, которая не хочет любить, не должна подавать никаких напрасных надежд.

– Может быть, она любила кого-то другого, кто совсем не стоил этого благородного человека, – заметила Номерфида, – и ради него отказалась от лучшей доли.

– Честное слово, – воскликнул Сафредан, – по-моему, она просто приберегла его про запас, на случай, если расстанется с тем, кого она действительно любила.

Госпожа Уазиль, видя, что мужчины, осуждая и порицая в королеве Кастильской то, что действительно ничем не может быть оправдано ни в ней, ни в ком-либо другом, принялись злословить по поводу женщин и что самым скромным и добродетельным достается не меньше, чем самым бесстыдным и сумасбродным, не могла больше этого вынести. И, взяв слово, она сказала:

– Я вижу, что чем больше мы об этом будем говорить, тем больше те, кто не хочет, чтобы мы с ними плохо обходились, будут возводить на нас хулу. Поэтому прошу вас, Дагусен, передайте кому-нибудь слово.

– Я передаю его Лонгарине, – сказал Дагусен, – и уверен, что она расскажет нам какую-нибудь не слишком грустную историю и, правды ради, не станет щадить ни мужчин, ни женщин.

– Раз вы считаете меня такой поборницей правды, – сказала Лонгарина, – я возьму на себя смелость рассказать вам историю, приключившуюся с одним принцем, который добродетелью в свое время был превыше всех. И вы согласитесь со мной, что нет ничего хуже лжи и притворства и без крайней надобности людям никогда не следует прибегать к ним. Этот порок отвратителен и мерзок особенно тогда, когда ему предаются принцы и лица высокопоставленные, которым пристало больше чем кому бы то ни было быть правдивыми. Но нет на свете такого богатого и могущественного государя, который не подпал бы под власть Амура, а тот ведь нередко становится тираном. И кажется даже, что чем знатнее и благороднее государь, тем сильнее Амур поработает его своей властной рукой. Этот всемогущий божок не считается ни с чем – ни с порядком вещей, ни с привычками смертных, – и главное удовольствие, которое он позволяет себе, заключается в том, что он день ото дня творит чудеса. Он унижает людей сильных, возвышает слабых, открывает глаза невеждам, умных мужей лишает рассудка. Он потворствует страстям и уничтожает разум. Вот какими проделками тешится бог любви. А так как государи не составляют исключения из общего правила им приходится поступать, как поступают все. И коль скоро им поступки свои приходится подчинять велению любви, которая их поработает, то, в качестве ее слуг, им не только позволено, но даже надлежит прибегать ко лжи, лицемерию и притворству, каковые являются надежными средствами победить своих противников, как этому нас учит наш достославный Жан де Мен.

А так как в подобных делах государям и принцам вменяют в заслугу то, что в обыкновенных людях мы осуждаем, я расскажу вам о ловкой выдумке одного молодого принца, сумевшего обмануть тех, кто привык обманывать всех на свете.

Новелла двадцать пятая

Молодой принц³³⁰, явившийся к адвокату якобы для того, чтобы поговорить о

³³⁰ Молодой принц. – Это, вне всяких сомнений, молодой Франциск, брат Маргариты. В новелле рассказывается о